

Т. Фишер: регламент и план Мюнхена для устойчивого развития города

Описаны градостроительный план и регламент Мюнхена Теодора Фишера, принятые в 1904 г. и основанные на морфологии города при его расширении. Они стали основой развития города, его восстановления после Второй мировой войны и оставались актуальными в течение 75 лет. Приведены сведения о взглядах Теодора Фишера на преемственность в городском развитии и его вкладе в воспитание целого поколения немецких архитекторов.

Ключевые слова: среда города, градостроительный план, строительный регламент, Теодор Фишер.

FILIPPOV V. D.

T. FISCHER: THE REGULATIONS AND PLAN OF MUNICH FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE CITY

The urban planning plan and regulations of Munich by Theodor Fischer, adopted in 1904 and based on the morphology of the city during its expansion, are described. They became the basis for the development of the city, its reconstruction after world war II and remained relevant for 75 years. Information is given about Theodor Fischer's views on continuity in urban development and his contribution to the education of a whole generation of German architects.

Keywords: city environment, urban development plan, building regulations, Theodor Fischer.

**Филиппов
Василий
Дмитриевич**

ведущий инженер,
Самарский государственный технический университет, дирекция Академии строительства и архитектуры, Российская Федерация
e-mail: filippov.vd@samgtu.ru

Введение

Сохранение исторического наследия русских городов — актуальная тема исследований и выработки методик [1]. Оно не ограничивается сбережением отдельных зданий, имеющих историческую или архитектурную ценность. Ценность среды города чаще всего описывается на чувственном уровне, с аргументами из философии, психологии или социологии. Такой подход приводит к тому, что сохранение исторической среды в российских городах стало зависеть вовсе не от градостроителей, а от уровня культуры «недавних горожан» [4] или «деятельностных субъектов» [3].

Градостроительство с благоустроенными жилыми ячейками как заменителями города возродило интерес к историческому городу с соразмерной человеку средой. Но поскольку в градостроительстве плановой экономики инструменты для изучения такого города [13] утрачены, все свелось к изучению чувств и эмоций [5, 10].

Исключение составили исследования морфологии исторического города. Впервые они проведены в С.-Петербурге, где для исторического центра города выявлены предельные размеры зданий, этажность, расстояния, отступы и параметры деталей архитектурного оформления [12]. Подобные исследования велись в Самаре, где на основании изучения элементарной ячейки города, «самарского двора», обосновали пути его реконструкции и раз-

вития [11]. В Новосибирске изучен весь город, вместе с советской и современной застройкой. Чтобы упорядочить результаты, ввели понятие части города со сходными свойствами среды или «локально-целостного градостроительного образования» [4]. В Новосибирске найдено 53 класса таких образований в 20 типологических группах [5]. Это говорит о беспорядочной застройке города (что, вероятно, свойственно всем большим российским городам — есть похожее, но ограниченное центром города исследование в Самаре [6]), а также о больших различиях в качестве жилой среды, указывая на необходимость выровнять различия путем уменьшения разнообразия при дальнейшем развитии города. Подобная необходимость возникла в конце XIX в. в Мюнхене из-за быстрого роста города, и там найдены инструменты и решение проблемы.

Мюнхен в конце XIX в.: Бюро расширения города

В 1870 г. население Мюнхена составляло 163 500 человек, а к 1900 г. за счет миграции и присоединения пригородов оно выросло до 490 000 [28]. Это вызвало бурный и плохо контролируемый рост жилищного строительства. План расширения города, разработанный городским советником Арнольдом Зенетти, был основан на регулярной сетке прямых улиц в соответствии с принципами Р. Баумайстера. Для их прокладки была необходима конфиска-

Иллюстрация 1. Теодор Фишер.
Источник: Википедия

Иллюстрация 2. Планы красных линий Мюнхена, подписанные Т. Фишером [27]

ция попадавших на пути городских земель, а в Баварском строительном кодексе отсутствовала юридическая основа для нее. Это привело к бесконечным переговорам с множеством землевладельцев, при этом город рос рядом и сам по себе. Незадолго до своей смерти в 1891 г. А. Зенетти признает: «Мы даже десять лет назад еще слишком мало думали; город возрос над нами и приобрел такое расширение, что все надо охватывать гораздо дальше и больше, чем это можно было себе представить» [26]. Власти поняли, что план А. Зенетти «не вполне соответствует степени сегодняшнего и будущего развития столицы» и в июле 1891 г. объявили конкурс проектов расширения города. В жюри входили виднейшие градостроители того времени: Рейнхард Баумайстер и Йозеф Штюббен (Германия), Камилло Зитте (Австро-Венгрия), архитектор Рейхстага Пауль Валло. Задача жюри состояла в поиске идей для дальнейшей работы. Было выбрано 4 проекта, а в окончательном протоколе комиссии (несмотря на некоторые недостатки, отмеченные Р. Баумайстером и Й. Штюббеном) «самым выдающимся» назвали проект профессора из Ахена Карла Хенрици, где он на практике стремился реализовать идеи совсем недавно вышедшей книги Камилло Зитте «Художественные основы градостроительства» (1899). Город делился на районы, их центрами являлись площади с общественными зданиями [26].

После подведения итогов конкурса новый городской советник Вильгельм Реттиг в 1893 г. организовал Бюро расширения города и, в продолжение идей конкурса, главой назначил молодого архитектора,

до этого работавшего у Пауля Валло на проекте Рейхстага, а затем в Мюнхене у Габриэля фон Зайдля, тридцатилетнего Теодора Фишера [26].

Планирование дорожной сети и площадей Мюнхена

Проект Хенрици стал для Теодора Фишера отправной точкой, который еще в 1890 г. прочел книгу К. Зитте и поддержал ее идеи [26]. Поэтому его план не совпадает с планом Хенрици. Общей была идейная основа — идея живописного города К. Зитте, на что указывает характер изменений уже существовавших красных линий. Т. Фишеру кое-где следовало завершить и проекты развития в прямоугольной сетке, начатые А. Зенетти. На практике сложнее всего было согласовать проект с интересами собственников земли, которые игнорировали планы А. Зенетти. Т. Фишер с двумя чертежниками в подчинении и двумя юристами от города [27] стал планировать заново, сшивая городскую ткань красными линиями улиц и площадей.

Архитектор считал, что экспроприация — опасное оружие: «Чем меньшую ценность представляет план развития, тем больше ему требуются законы об экспроприации» [26]. Планирование вдоль существующих границ собственности стало в Мюнхене общим правилом. Права собственности он считал частью еще более важного для себя обстоятельства: «Века оставили на земле черты и морщины всех видов, к которым мы должны относиться с почтением... Старая земля, что пронесла и пережила на себе судьбы стольких поколений, должна быть сделана новой и нетронутой одним махом, росчерком пера чиновника,

для облегчения труда геометра... Разве мы так не теряем больше, чем могли бы выиграть?» [26].

Основой планирования, как и у других градостроителей, было создание сети дорог, но, в связи с вниманием к сложившимся условиям, квартал у Т. Фишера приобрел вид изогнутого квадрата или прямоугольника. Треугольная форма для него из-за неудобств организации движения и планировки квартир была плохой и оттого не рекомендуемой. Длина сторон квартала — от 50 до 100 м, чаще исходной формой служит прямоугольник 1 : 2. Для удобства строительства и движения Т. Фишер, как правило, предпочитал квадрат [17]. Движение он определял как изменчивую «душу города», а дороги — как «скелет», на котором выростала «плоть поселений» [16]. В этом он мало отличался от лучших немецких градостроителей Р. Баумайстера и Й. Штюббена. Отличие было в другом. При планировании улицы Мюнхена естественным образом приобретали плавные изгибы, что при движении по ним каждый раз открывало новые виды и перспективы. Так он описал это в своих лекциях: «Я прокладываю правильный вывод дороги, чтобы создать впечатление пространства, но с особым акцентом на форму движения... Это психологически очевидное требование, чтобы я дал этому пространству цель для глаз тех, кто движется. В этом можно признать первый эстетический принцип градостроительства» [20].

Это видение следовало из идей «живописного города» К. Зитте, но, в отличие от него и его последователей, Т. Фишер не отказывался и от прямых участков улиц огра-

нической длины с завершением в виде «цели для глаз». В отличие от Р. Баумайстера, который планировал город из функции движения и, кроме прямых и длинных (глазу бесконечных) дорог, для него в городе ничего не было, Фишер планировал живописность, исходя из движения и условий конкретного места, ведь для него «произвольная нерегулярность [была] много хуже, чем произвольная или идейная регулярность» [26]. Всего за подписью Т. Фишера было составлено более 400 чертежей красных линий.

Проблемы застройки Мюнхена

Спланировать город живописно и в то же время функционально оказалось недостаточно, ведь во многих местах он рос сам по себе. Проложить дороги с учетом существующей ситуации было непросто, но возможно. Собрать всю застройку в единый город, учитывая особенности каждого места и создавая единство — едва ли выполнимо.

Что касается первой части задачи, то в 1876 г. Р. Баумайстер в первой фундаментальной научной монографии по градостроительству, описывая город будущего, дал первый в истории вариант зонирования: зона крупной промышленности и складов с жильем для «рабочих, служащих и даже владельцев заводов»; зона «малого бизнеса и розничной торговли», ее жилье «должно быть объединено с коммерческими учреждениями» и жилая зона для «рантье, тех, кто работает вне жилища и людей разного благосостояния» [14]. При планировании создавались оптимальные «местные условия» для зон. На практике первый закон о зонировании принят в 1881 г. во Франкфурте по инициативе бургомистра Франца Адикеса. Это заблокировало спекуляции землей и, наряду с новым земельным законом, позволившем объединять мелкие участки путем обмена с собственниками и экспроприации, дало рост строительства жилья. Й. Штюббен, являясь городским советником в Кельне, в 1893 г. предложил идеи зонирования. Закон о зонировании Кельна, принятый в 1896 г., разделил город на четыре района: в первом (центр) допускались жилые здания не более 4-х этажей, во втором (фабричные зоны и ряд других) — не более 3-х этажей, в третьем и четвертом (большинство окраин) — не более 2-х этажей [7]. Работы Т. Фишера в Мюнхене стали продолжением работ Й. Штюббена в Кельне.

Иллюстрация 3. Разрушения жилого фонда Мюнхена в результате Второй мировой войны [24]

Была и вторая часть задачи — создание города как гармоничного единства. Р. Баумайстер был не архитектором, а дорожным инженером, поэтому считал, что «архитектурная красота — не задача строительной полиции, она получается сама по себе... Личная свобода не ведет к безобразию» [25]. Опыт Мюнхена не совпадал с представлениями основоположника градостроительной науки. Строительные нормы центра города, примененные при расширении для его окраин, «не остановили, а расширили спекуляции землей и домами на основе предельно допустимых норм строительной полиции», привели к «жилищным условиям, которые наиболее плачевны с точки зрения здравоохранения» [28]. Чтобы улучшить положение, в 1876 г. приняли закон, разрешавший в новом строительстве, кроме закрытой (брандмауэрной) жилой застройки, открытую или павильонную (*pavillon-bausystem*) застройку зданиями, отстоящими друг от друга [28]. Это могло способствовать улучшению условий гигиены в домах, а ограничения этажности и взаимное расположение в каждом случае рассматривала строительная полиция вместе с органами здравоохранения. О том, что получилось в итоге, дает представление одна из лекций Т. Фишера:

«Не все считают, что контраста, самого по себе, в градостроительстве нужно избегать. Ведь без него едва ли возможен какой-либо художественный эффект... Но контраст, сам по себе — это не искусство, искусство — справиться с тем, что идет вразрез с единством, и только преодоление диссонанса дает удовлетворение. Единство в городском планировании сейчас является очень непростой для достижения целью» [20].

Т. Фишер пришел к выводу о том, что устанавливать в разных местах разные ограничения по этажности и расположению зданий следует не только для учета местных условий, но и для гармоничного их объединения. Сами здания должны быть вполне определенных, для каждого места своих, сочетаний форм и размеров, при этом число таких сочетаний ограничено, и они едины для всего города.

Штафель как основа градостроительного регламента и плана Мюнхена

Т. Фишер изучил существующую застройку Мюнхена: этажность, размеры дворов, размеры зданий, их расположение и расстояния между ними. На основании этого он сформировал вначале 4, а затем 9 элементарных единиц застройки, названных им штафелями (*Staffel*). Штафели № 1–5 предназначались для закрытой (брандмауэрной) застройки, № 6–9 — для открытой или «павильонной». Уже после принятия регламента, примерно в 1920 г., перечень дополнили штафелем № 10 [28] для открытой застройки низкой плотности на окраинах. Штафель № 1 привел в порядок и по сути легализовал существующую плотную застройку центра города, допуская максимальную высоту здания 22 м, площадь двора 1/4 площади участка застройки, которую, при обосновании необходимости, строительная полиция могла разрешить еще уменьшить. В других штафелях здания были меньшей высоты, площадь двора составляла не менее 1/3, а в штафеле № 9 — не менее 1/2 площади застройки [22]. На основании системы штафелей к 1900 г. Фишер составил план застройки и расширения города. При этом зона застройки одним

штафелем могла граничить только с зоной застройки соседним (открытым или закрытым), а ее однообразие исключалось планировкой площадей и доминантами в виде общественных зданий. Активно использовались особенности рельефа.

Для Т. Фишера акцент на отдельных элементах гарантировал «объединение всех частей в единство, в котором части, от наименьшей до главной, имеют свою судьбу и прекрасны тем, что они выполняют свое предназначение в целом» [26]. В Богенхаузене земельно-строительная компания ради выгоды решила на месте общественного здания построить побольше жилых домов, но разрешения не получила, так как, по мнению Т. Фишера, концепция «широкомасштабного развития внешних районов была бы этим сорвана» [26].

Так, вероятно, впервые удалось достичь соединения двух самых важных инструментов планирования: строительного регламента и плана зонирования. Это было сделано ради одной цели: «в определенных пределах каждый может строить так, как ему требуется, с единственным условием, чтобы он не оскорблял соседа или общественный вкус» [20]. В 1901 г. Т. Фишер из-за невозможности реализовать проект застройки Угольного острова уволился из Бюро расширения и затем стал профессором строительного проектирования Технического университета в Штутгарте. Его план и регламент были приняты в 1904 г., затем принимались изменения и дополнения, последнее из которых произошло в 1959 г. План и регламент Т. Фишера действовали до 1979 г. После Мюнхена он разработал такие планы для более чем 20 немецких городов.

В годы Второй мировой войны Мюнхен, как и все немецкие промышленные города, подвергался англо-американским бомбардировкам. Ему повезло больше, чем Гамбургу и Дрездену, однако треть его жилого фонда была практически уничтожена, а еще треть получила серьезные повреждения. Тем не менее при восстановлении города было решено не вносить существенных изменений в план, ограничившись расширением ряда улиц в связи с изменившимися условиями движения: «Преемственность существовала не только в красных линиях и строительных штафелях, но и в самом подходе к градостроительному планированию» [24].

Заключение

Теодор Фишер всегда искал и находил новое, но при этом он вглядывался в историю мест, зданий и людей, с тем, чтобы новое явилось продолжением и развитием старого, чтобы возникала преемственность — так, в Штутгарте он со студентами изучал местные народные методы строительства и технологии. Не менее бережно он относился к личностям учеников, стараясь не навязывать свои представления, а развивать то, что для данного человека было органично и свойственно ему. Поэтому в Штутгарте (1901–1908) и затем, вернувшись в Мюнхен в 1908 г., как профессор архитектуры в Техническом университете (1908–1928), а также обучая непосредственно в мастерской, он стал «наставником целого поколения архитекторов» [23], при этом одни стали великими модернистами (Бруно Таут, Эрнст Май, Эрих Мендельсон, Хуго Херинг и Якобус Ауд), а другие — выдающимися представителями консервативного направления.

Методика учебы архитектуре на практике (два года учебы в университете и три года в мастерской), которую он упорно продвигал, фактически стала основой методик преподавания Баухаус. В 1907 г. Фишер стал одним из основателей и первым председателем Немецкого

Веркбунда, на почве идей которого Баухаус и родился. Однако его активная позиция по бережному отношению к культурной памяти мест и то, что консервативные архитекторы Штутгартской школы (его ученики) избрали его «духовным отцом», стали причинами причисления его к консерваторам.

Когда нацисты, придя в 1932 г. к власти, пока еще в Дессау, стали разгонять Баухаус, Т. Фишер решительно выступил в его защиту. «У этого начинания важная задача в развитии и право на это... Сегодня судорожно пытаются выяснить, что на самом деле “немецкое”. Я знаю только то, что фанатизм — это не немецкое» [23]. Еще более откровенным было его выступление 8 октября 1933 г. в Золотом зале ратуши Аугсбурга на празднике Боевого союза за немецкую культуру, куда его пригласили как «хранителя немецких ценностей» и где также присутствовало руководство пришедшей к власти нацистской партии. Он прочел лекцию о модернизме, объекте травли и нападок нацистов, объяснив, что это — впервые сделанный немцами вклад в мировую архитектуру, завершив свое выступление словами: «Да здравствуют люди, которые делают в искусстве потрясающее, то, что там и должно быть!» [21] Вскоре Т. Фишер совсем отошел от активной деятельности, «воспринимая все более хладнокровно» [24] события в Германии. Когда он умер 25 декабря 1938 г., на похоронах был только близкий круг его друзей.

Строительные нормы, на основании которых в начале XX в. разрабатывались регламент и план Мюнхена, полностью устарели. Однако их концепция сегодня привлекает внимание немецких исследователей как источник решения проблемы устойчивого развития города. Идеи, реализованные тогда в Мюнхене, могут представлять интерес и в российских условиях: как при проектировании новых, так и при развитии старых городов, с сохранением (восстановлением) их исторической среды.

Список использованной литературы

- 1 Ахмедова Е. А. Методика комплексных исследований пространственно-планировочной структуры исторического поселения (на примере Самары) // Проблемы градостроительной реконструкции: сб. статей. — Самара, 2019. — С. 28–35.
- 2 Ахмедова Е. А. Стратегические направления градостроительного развития поволжских городов в генеральных планах нового поколения // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. — 2007. — № 6 (70). — С. 160–168.
- 3 Вавилонская Т. В. Определяющая роль деятельностных субъектов в развитии архитектурно-исторической среды Самарского Поволжья // Градостроительство и архитектура. — 2017. — Т. 7. — № 1 (26). — С. 82–86.
- 4 Гашенко А. Е. Архитектурно-градостроительная морфология как предмет системных исследований: элементный аспект // Вестн. гражданских инженеров. — 2015. — № 6 (53). — С. 5–13.
- 5 Гашенко А. Е. Архитектурно-градостроительная морфология Новосибирска: монография / Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств. — Новосибирск, 2016. — 192 с.
- 6 Гниломедов А. С. Эволюция плотности и функциональной насыщенности городской среды на примере Центральной планировочной зоны города Самары // Вестн. СГАСУ. Градостроительство и архитектура. — 2014. — № 2 (15). — С. 16–20.
- 7 Диканский М. Г. Постройка городов, их план и красота: 135 рисунков в тексте. — Пг.: Изд. Н. П. Карбасникова, 1915. — 308 с.

- 8 Корякин Ю. М. Генеральный план Самары: проект и реальность // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и градостроительство: сб. статей. — Самара, 2019. — С. 656–665.
- 9 Крайняя Н. П. О механизмах культуры в формировании целостной архитектурной среды городов // Современная архитектура мира. — 2016. — № 7. — С. 131–140.
- 10 Орлов Д. Н., Орлова Н. А. Историческая среда в современных экономических условиях // Innovative Project. — 2017. — Т. 2. — № 3 (7). — С. 30–36.
- 11 Самогоров В. А., Рыбачева О. С. Реконструкция исторической части Самары с учетом сложившихся границ участков землепользования (дворовых пространств) // Вестн. Волгоград. гос. арх.-строит. ун-та. Серия: Строительство и архитектура. — 2013. — № 31–1 (50). — С. 300–304.
- 12 Семенцов С. В. Средовое зонирование, градостроительная регламентация и правила застройки исторических районов Санкт-Петербурга // Вестн. гражданских инженеров. — 2009. — № 4 (21). — С. 13–18.
- 13 Шуvalov М. В., Комаров Д. С. Первоочередные мероприятия реновации зон исторической застройки городов // Градостроительство и архитектура. — 2018. — Т. 8. — № 3 (32). — С. 62–67.
- 14 Baumeister Reinhard. Stadterweiterungen in technischer, baupolizeilicher und wirtschaftlicher Beziehung. — Berlin: Ernst & Korn, 1876. — 492 S.
- 15 Bäumler Klaus. Weitsichtiger Schutz der Weitsicht. Theodor Fischer, die Staffelbauordnung und die Münchner Sichtachsen. — Standpunkte, 2019. — No. 2/3. — С. 8–10.
- 16 Bodenschatz Harald. Theodor Fischer: Architekt und Städtebauer (1862–1938). — ARCH+, 1989. — Jg. 22, Heft 98. — С. 12–13.
- 17 Castorph Matthias. Stadtbaukunst heute? — 2016. — TEC21, No. 15. — С. 30–35.
- 18 Castorph Matthias. Die Sichtachse — eine Papieridee? — Standpunkte, 2019. — No. 2/3. — С. 5–7.
- 19 Enss Carmen. Altstadt im Umbau. Der Wiederaufbau des Münchner Kreuzviertels zwischen 1945 und 1958: Diss. zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktor-Ingenieurs. — Fakultät für Architektur der Technischen Universität München, 2013. — 315 S.
- 20 Fischer Theodor. Sechs Vorträge über Stadtbaukunst. — München: Oldenbourg, 1922. — 93 S.
- 21 Fischer Theodor. Gedanken zur Neuen Künstlerischen Form. — Beilage zum Baumeister, 1934. — Heft 1. — С. 1–3.
- 22 Gräwe Christina. Blicken wir zurück und vorwärts! Zu Theodor Fischers 150 Geburtstag. — BaunetzWOCHE, 2012. — No. 275. — С. 4–18.
- 23 Harbers Guido. Theodor Fischer. — Beilage zum Baumeister, 1939. — Heft 2. — С. 37–38.
- 24 Lutz Alfred. Fischer, Theodor // Württembergische Biographien. — Bd. 2. — Stuttgart: Kohlhammer, 2011. — С. 61–64.
- 25 Münchner Staffelbauordnung vom 20. April 1904: mit einer allgemeinen Übersicht über die wichtigeren baupolizeilichen Vorschriften der Kgl. Haupt- und Residenzstadt München, ferner mit Erläuterungen und einem Anhang. — München: C. H. Beck, 1904. — 221 S.
- 26 Steffan Felix. Theodor Fischers Stadtplanungen für München im Kontext der Städtebauthorie um 1900. Die Prinzregentenstraße. — Ludwig-Maximilians-Universität München. Faculty of History and the Arts, 2013. — 135 S. DOI: 10.5282/ubm/epub.19145.
- 27 Wolfrum Sophie. Können wir von Theodor Fischer lernen? — Bauwelt, 2012. — No. 36. — С. 50–53.
- 28 Hartl Johann, Münchner Staffelbauordnung, 1904–1979. — URL: <https://www.stadtgrenze.de/s/bbo/muestabo/muestabo.htm> (дата обращения: 05.03.2020).
- 4 Gashenko A. E. Arhitekturno-gradostroitel'naya morfologiya kak predmet sistemnyh issledovaniy: elementnyy aspekt // Vestn. grazhdanskikh inzhenerov. — 2015. — № 6 (53). — С. 5–13.
- 5 Gashenko A. E. Arhitekturno-gradostroitel'naya morfologiya Novosibirsk: monografiya / Novosib. gos. un-t arhitektury, dizajna i iskusstv. — Novosibirsk, 2016. — 192 s.
- 6 Gnilomedov A. S. Evolyuciya plotnosti i funkcional'noj nasyshchennosti gorodskoj sredy na primere Central'noj planirovochnoj zony goroda Samary // Vestn. SGASU. Gradostroitel'stvo i arhitektura. — 2014. — № 2 (15). — С. 16–20.
- 7 Dikanskij M. G. Postrojka gorodov, ih plan i krasota: 135 risunkov v tekste. — Pg.: Izd. N. P. Karbasnikova, 1915. — 308 s.
- 8 Koryakin Yu. M. General'nyj plan Samary: proekt i real'nost' // Tradicii i innovacii v stroitel'stve i arhitekture. Arhitektura i gradostroitel'stvo: sb. statej. — Samara, 2019. — С. 656–665.
- 9 Krajnyaya N. P. O mekhanizmah kul'tury v formirovanii celostnoj arhitekturnoj sredy gorodov // Sovremennaya arhitektura mira. — 2016. — № 7. — С. 131–140.
- 10 Orlov D. N., Orlova N. A. Istoricheskaya sreda v sovremennyh ekonomicheskikh usloviyah // Innovative Project. — 2017. — Т. 2. — № 3 (7). — С. 30–36.
- 11 Samogorov V. A., Rybachева O. S. Rekonstrukciya istoricheskoy chasti Samary s uchetom slozhivshihsysy granic uchastkov zemlepol'zovaniya (dvorovyh prostranstv) // Vestn. Volgograd. gos. arh.-stroit. un-ta. Seriya: Stroitel'stvo i arhitektura. — 2013. — № 31–1 (50). — С. 300–304.
- 12 Semencov S. V. Sredovoe zonirowanie, gradostroitel'naya reglamentaciya i pravila zastrojki istoricheskikh rajonov Sankt-Peterburga // Vestn. grazhdanskikh inzhenerov. — 2009. — № 4 (21). — С. 13–18.
- 13 Shuvalov M. V., Komarov D. S. Pervoocherednye meropriyatiya renovacii zon istoricheskoy zastrojki gorodov // Gradostroitel'stvo i arhitektura. — 2018. — Т. 8. — № 3 (32). — С. 62–67.
- 14 Baumeister Reinhard. Stadterweiterungen in technischer, baupolizeilicher und wirtschaftlicher Beziehung. — Berlin: Ernst & Korn, 1876. — 492 S.
- 15 Bäumler Klaus. Weitsichtiger Schutz der Weitsicht. Theodor

References

- 1 Ahmedova E. A. Metodika kompleksnyh issledovaniy prostranstvenno-planirovochnoj struktury istoricheskogo poseleniya (na primere Samary) // Problemy gradostroitel'noj rekonstrukcii: sb. statej. — Samara, 2019. — С. 28–35.
- 2 Ahmedova E. A. Strategicheskie napravleniya gradostroitel'nogo razvitiya povolzhskih gorodov v general'nyh planah novogo pokoleniya // Vestn. Orenburg. gos. un-ta. — 2007. — № 6 (70). — С. 160–168.
- 3 Vavilonskaya T. V. Opredelyayushchaya rol' deyatel'nostnyh sub'ektov v razvitii arhitekturno-istoricheskoy sredy Samarskogo Povolzh'ya // Gradostroitel'stvo i arhitektura. — 2017. — Т. 7. — № 1 (26). — С. 82–86.

- Fischer, die Staffelbauordnung und die Münchner Sichtachsen. — Standpunkte, 2019. — No. 2/3. — S. 8–10.
- 16 Bodenschatz Harald. Theodor Fischer: Architekt und Städtebauer (1862–1938). — ARCH+, 1989. — Jg. 22, Heft 98. — S. 12–13.
- 17 Castorph Matthias. Stadtbaukunst heute? — 2016. — TEC21, No. 15. — S. 30–35.
- 18 Castorph Matthias. Die Sichtachse — eine Papieridee? — Standpunkte, 2019. — No. 2/3. — S. 5–7.
- 19 Enss Carmen. Altstadt im Umbau. Der Wiederaufbau des Münchner Kreuzviertels zwischen 1945 und 1958: Diss. zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktor-Ingenieurs. — Fakultät für Architektur der Technischen Universität München, 2013. — 315 S.
- 20 Fischer Theodor. Sechs Vorträge über Stadtbaukunst. — München: Oldenbourg, 1922. — 93 S.
- 21 Fischer Theodor. Gedanken zur Neuen Künstlerischen Form. — Beilage zum Baumeister, 1934. — Heft 1. — S. 1–3.
- 22 Gräwe Christina. Blicken wir zurück und vorwärts! Zu Theodor Fischers 150 Geburtstag. — BaunetzWOCH, 2012. — No. 275. — S. 4–18.
- 23 Harbers Guido. Theodor Fischer. — Beilage zum Baumeister, 1939. — Heft 2. — S. 37–38.
- 24 Lutz Alfred. Fischer, Theodor // Württembergische Biographien. — Bd. 2. — Stuttgart: Kohlhammer, 2011. — S. 61–64.
- 25 Münchner Staffelbauordnung vom 20. April 1904: mit einer allgemeinen Übersicht über die wichtigeren baupolizeilichen Vorschriften der Kgl. Haupt- und Residenzstadt München, ferner mit Erläuterungen und einem Anhang. — München: C.H. Beck, 1904. — 221 S.
- 26 Steffan Felix. Theodor Fischers Stadtplanungen für München im Kontext der Städtebauthorie um 1900. Die Prinzregentenstraße. — Ludwig-Maximilians-Universität München. Faculty of History and the Arts, 2013. — 135 S. DOI: 10.5282/ubm/epub.19145.
- 27 Wolfrum Sophie. Können wir von Theodor Fischer lernen? — Bauwelt, 2012. — No. 36. — S. 50–53.
- 28 Hartl Johann, Münchner Staffelbauordnung, 1904–1979. — URL: <https://www.stadtgrenze.de/s/bbo/muestabo/muestabo.htm> (дата обращения: 05.03.2020).

Vasily Filippov

Leading engineer, Samara state technical University, Directorate of the Academy of construction and architecture, Russian Federation
e-mail: filippov.vd@samgtu.ru

Статья поступила в редакцию в марте 2020 г.

Опубликована в июне 2020 г.